А.Н. Бурыкин

ТОТАЛИТАРНЫЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ КАК КОМПЛЕКС ОТЧУЖДЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

БУРЫКИН Александр Николаевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления Института истории и социологии управления Сахалинского государственного университета, руководитель аппарата администрации Южно-Сахалинска (e-mail: burykinsfamily@bk.ru)

Аннотация. *Современная ситуация в России характеризуется переходом от тоталитарных методов управления к демократическим. Поэтому становится актуальным исследование методов тоталитарного управления, положения человека в такой системе, чтобы лучше представлять необходимость отказа от тоталитарных методов управления.*

Ключевые слова: *тоталитаризм, демократия, тоталитарное управление, человек-масса, гуманизм.*

Понятие «тоталитаризм» было введено в политический оборот Б. Муссолини, использовавшим терминологию итальянского философа Джентиле, который исходил из положения, что нет никаких пределов государственному вмешательству в личную жизнь людей. Такое управление Э. Фромм называет о*тчужденно-бюрократическим* и характеризует его следующим образом:

– это однонаправленная система: приказы, предложения, планы исходят с верху пирамиды и направляются к низу. Индивидуальной инициативе нет места. Личности – это случаи;

– бюрократическая система является безответственной в том смысле, что не «отвечает» на нужды, взгляды, запросы индивида. Безответственность тесно связана с характеристикой человека как случая, становящегося «объектом» бюрократии. Нельзя отвечать на запросы *случая,* но можно – на запросы личности;

– безответственность бюрократа имеет еще один аспект, бывший в течение долгого времени признаком бюрократии. Чувствуя себя частью бюрократической машины, бюрократ чаще всего не хочет брать ответственность на себя, то есть не хочет принимать решений, за которые его можно было бы критиковать. Он старается избегать принятия любых решений, коль скоро они не сформулированы ясно соответствующими правилами, а при наличии сомнений он отсылает человека к другому бюрократу, который, в свою очередь, делает то же самое;

– наша бюрократическая система дает индивиду почувствовать, что он ничего не может ни предпринять, ни организовать без помощи бюрокра-

тической машины. В результате она парализует инициативу и порождает глубокое чувство бессилия.

К. Поппер в работе «Открытое общество и его враги» трактует тоталитаризм как явление, присущее всей истории человечества. Он делит общества на «закрытые» – это коллективистские, племенные общества и «открытые», в которых отказались от коллективизма, и индивид вынужден сам принимать решения: «В дальнейшем магическое, племенное или коллективистское общество мы будем именовать *закрытым обществом,* а общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения, – *открытым обществом»*[1]. Говоря о закрытом и открытом обществах, Поппер обозначает переход от закрытого к открытому обществу как величайшую революцию в судьбах человечества, в результате которой происходит «перенапряжение цивилизации»[2]. Тоталитаризм он рассматривает как возврат к «закрытому обществу», как новый племенной дух, а истоки тоталитаризма проявились еще в трудах Платона, который говорил, что справедливым является то, что полезно государству.

К. Поппер вводит термин «социальная инженерия», при помощи которой власти пытаются осчастливить народ, что ведет к опасной догматической приверженности схеме, во имя которой приносятся многочисленные жертвы. Социальной инженерии он противопоставляет постепенную инженерию, которая стремится понемногу облегчить страдания этого народа.

Ханна Арендт в книге «Истоки тоталитаризма»[3] указывает на еще одну черту тоталитаризма – поддержку широких масс. Это происходит в результате превращения классов в массы. Масса стала возможной в результате искоренения всякой групповой солидарности и наличия аморфной структуры общества. Масса требует тоталитарного вождя, который мало чем отличается от прежних вожаков толпы. Вождь и толпа зависят друг от друга; вождь без масс никто, масса без него бесформенная, рыхлая орда. Причины, которые привели народ к массе, Арендт видит в крушении социальных институтов и социальных традиций в XX в., в потере широкими массами почвы под ногами, в ощущении своей ненужности. Власть вождей основана на создании выдуманного мира, способного конкурировать с реальным, в который верит масса, и крушение этого мира возвращает массу к прежнему состоянию одиноких индивидов.

Анализируя причины появления тоталитарного государства, Х. Арендт использует понятие «толпа» для определения того, что произошло с народом в XX веке, и не считает ее ни народом, ни рабочим классом, а называет «отбросами» всех классов. Она констатирует их глубокую безответственность, поддержку ими диктатора. Толпа является не только частью обще-

[1] *Поппер, К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона ; пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М., 1992. – С. 219.

[2] См. там же. – С. 222.

[3] *Arendt, H.* The origins of Totalitarianism. – N. Y., 2008. – P. 308.

ства, но и порождением его. Породили толпу нестабильность, вызванная Первой мировой войной и страданиями, связанными с войной, и разрушения общепринятых норм и правил. Война привела к распаду классов и превращению их в массу, так как человек во время войны стал винтиком военной машины, массовых военных событий и стремился быть анонимным, безликим, незаметным. После войны появилось много людей, выброшенных из своих стран, потерявших гражданство, отколовшихся от своей нации, культуры, не имеющих корней. Поэтому у них не было чувства гражданственности, принадлежности государству. «Парадокс, заключенный в потере человеческих прав, таков, что эта потеря тотчас же сопровождается превращением человека в биологическую особь, в человека вообще – без профессии, без гражданства, без мнения, без дела, по которым можно узнать и выделить самого себя из себе подобных... при отнятой возможности выразиться внутри некоего общечеловеческого мира и воздействовать на него... опасность в том, что мировая всеохватывающая цивилизация может порождать варваров из самой себя, вынуждая миллионы людей жить в условиях, которые вопреки видимости суть условия для дикарей»[1].

Послевоенное время еще более усугубило ситуацию в связи с разразившимся экономическим кризисом. Безработица, сопровождающая экономический кризис, сделала миллионы людей экономически лишними и социально обременительными. В таких условиях права человека не имели политических и экономических гарантий и потеряли свою значимость. Именно такая ситуация, по мнению Х. Аренд, вела к порождению огромного количества живых трупов и самой возможности концлагерей с их «безумным массовым производством трупов»[2].

В. Шкуратов определяет тоталитаризм как абсолютную власть групп людей, партий, отдельных политических институтов в индустриальных обществах XX в. и называет общие черты:

а) культ народных вождей;

б) разрастание аппарата репрессий;

в) централизованное стягивание ресурсов нации для решения державных задач и реализации планов;

г) контроль над частной жизнью человека, замена последней общественно-политическими целями режима. «В некоторых формах и фазах тоталитаризм полностью деструктивен. Он организует большую индустрию смерти: армию и военную промышленность, концлагеря, фабрики уничтожения людей. Над реальными экономическими преобразованиями нависает избыточность утопии, проект тотального переустройства человечества. Тоталитарная рациональность оказывается здесь совершенно иррациональной»[3]. Тоталитарный режим самоопределяется как инстру-

[1] *Arendt, H.* The origins of Totalitarianism. – P. 311.

[2] Ibid. – P. 308.

[3] *Шкуратов, В.А.* Историческая психология. – М., 1997. – С. 322–323.

мент дальней цели: создания совершенного человеческого устройства. Этой цели должно быть подчинено все, в том числе частная жизнь граждан (которая сама по себе является объектом показательного совершенствования). На деле идеологические лозунги прикрывают мелкое политиканство и потребности текущего управления страной. Реальным историческим делом коммунистических режимов СССР, Центральной Европы и Азии стала ускоренная индустриализация, проведенная с громадной расточительной тратой человеческих и природных ресурсов[1].

Говоря о положении личности в системе тоталитарного управления, В. Шкуратов отмечает прямое воздействие на конкретного человека. Если при *либерально-демократическом управлении* между государством и личностью существуют институты церкви, семьи, негосударственное образование и экономика, другие микросоциальные образования, при *авторитарном режиме* верховный правитель считается с корпорациями или сословиями, которые имеют собственные юридические или традиционные установления, подобия органов власти, корпоративно-сословная личность тесно включена в свою среду и мало общается за ее пределами.

В. Шкуратов описывает, что происходит с личностью, как психолог: «Тоталитаризм не просто централизует власть и сводит ее в репрессивно-идеологический кулак. Он последовательно ломает и подчиняет себе микросоциальную среду личности. Ничто не должно заслонять человека от власти: коллеги, знакомые, родственники должны стать пропагандистами или соглядатаями режима»[2]. Человек в результате контроля его мыслей со стороны власти приобретает то, что В. Шкуратов называет слой «политического бессознательного»: сомнений, опасных мыслей, отрицательных эмоций, в которых нельзя признаться другим и даже себе. Создается цепочка внутренней цензуры: кое-что можно обсуждать с наиболее близкими людьми, кое о чем думать про себя, кое о чем помыслить страшно. Некоторые социальные мыслители усматривали в тоталитаризме тупиковый исход рационализации, отбросившей идею личной свободы[3].

Другой исследователь проблем тоталитаризма Р. Арон в работе «Демократия и тоталитаризм» называет пять признаков тоталитаризма:

1. Тоталитаризм возникает в режиме, предоставляющем какой-то одной партии монопольное право на политическую деятельность.

2. Эта партия имеет на вооружении (или в качестве знамени) идеологию, которой придает статус единственного авторитета, а в дальнейшем – и официальной государственной истины.

3. Для распространения официальной истины государство наделяет себя исключительным правом на силовое воздействие и на средства убеж-

---

[1] См.: *Шкуратов, В.А.* Историческая психология. – С. 322–323.

[2] Там же. – С. 322.

[3] См. там же.

дения. Государство и его представители руководят всеми средствами массовой информации – радио, телевидением, печатью.

4. Большинство видов экономической и профессиональной деятельности находится в подчинении государства и становится его частью. Поскольку государство неотделимо от своей идеологии, то почти на все виды деятельности накладывает свой отпечаток официальная истина.

5. Поскольку любая деятельность стала государственной и подчинена идеологии, любое прегрешение в хозяйственной или профессиональной сфере сразу же превращается в прегрешение идеологическое. Результат – политизация, идеологизация всех возможных прегрешений отдельного человека и, как заключительный аккорд, террор – одновременно полицейский и идеологический. Р. Арон считает, что нет какой-то одной или двух ведущих черт тоталитарной системы. Она возникает при условии существования всех черт[1].

Характеризуя период сталинизма, В.С. Нерсесянц называет черты тоталитаризма, которые связывает с отсутствием государства в привычном смысле слова. «Этот тоталитаризм означает, по сути дела, отсутствие государства, насильственно-революционное разрушение государственности и ее замену системой экстраординарных учреждений партийно-политической диктатуры… Тоталитарная диктатура так же не была государством, как и ее командно-приказные акты и требования (нормы) не были правом»[2].

Характеризуя тоталитарное управление, Э. Канетти говорит о массе, которая стала основой такого управления, и анализирует причины появления такого состояния человека в XX веке. При определении массы за исходный пункт он берет психологический момент – страх человека перед прикосновением с другим. Человек старается держаться от других людей на некотором расстоянии, дистанцироваться от них. В массе же этот страх прикосновения снимается, все дистанции перестают существовать. Стоит однажды почувствовать себя частицей массы, как человек перестает бояться соприкосновения, он ощущает себя равным другому. Все различия, в том числе различия пола, как бы перестают существовать. Более того, масса предстает как примитивная форма защиты от смерти. В тесноте, когда между людьми нет расстояния, каждый ощущает другого как самого себя, что приносит ему огромное облегчение. Ради этого люди и соединяются в массы[3].

Итак, тоталитарное управление превращает личность в объект, средство для достижения собственных целей – власть ради власти, которая опирается на безликую массу (толпу), прибегает к террору, указному пра-

---

[1] См.: *Арон, Р.* Демократия и тоталитаризм. – М., 1993. – Гл. 15.

[2] Там же. – С. 291.

[3] *Канетти, Э.* Масса и власть. [Электронный ресурс]: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Kanett /index.php. – С. 18.

ву, разрушает культуру (господствует идеология), семью, личность, частную жизнь.

Проблему тоталитаризма Канетти объединяет с человеком, который находится в сфере тоталитарного управления. Человек породил данную систему, и система сформировала человека. Социологи и философы описывают и анализируют то, что произошло с человеком в двадцатом веке, что стало основой для того, чтобы тоталитаризм стал возможен. Говоря о социальной структуре, сложившейся в тоталитарном государстве, можно сослаться на О. Шпенглера, который отметил, что в XIX в. сложилось четвертое сословие – масса – и именно она пришла к власти в следующем веке. Кроме слова «масса» для определения особенности социальной структуры используется слово «толпа».

Х. Ортега-и-Гассет говорит о том, что в XX в. к власти пришел человек, не знакомый с принципами управления: «Все прошлые цивилизации погибали по причине недостаточной обоснованности своих принципов; похоже, что европейской цивилизации грозит противоположное. Теперь уже сам человек не успевает шагать в ногу с прогрессом, по пути которого неуклонно следует цивилизация. Цивилизован мир, но не человек, живущий в нем; он даже не замечает того, что живет в цивилизованном мире, пользуясь дарами цивилизации, как пользуются природными дарами. …Бразды правления в обществе взяли в свои руки люди, незнакомые с принципами развития цивилизации»[1]. Х. Ортега-и-Гассет называет характерные черты такого человека. Он вводит термин «человек-масса» для характеристики тоталитарного человека, который не способен понять принципы, на которых держится цивилизация; толпа навязывает свое право на вульгарность и провозглашает вульгарность как право. Он использует понятие «герметичность души» для характеристики среднего человека, отмечая неспособность его внимать чужому мнению и подчиняться: «В этом случае – интеллектуальная герметичность. Человек чувствует, что в него заложено некое количество идей. И он удовлетворяется этим, считая, что в интеллектуальном плане уже ни к чему стремиться не надо. Поскольку он не чувствует необходимости узнать что-то новое, не имеющее к нему прямого отношения, он тем самым замыкается в себе, вынужденный вновь и вновь обращаться к тем же идеям, – вот вам весь механизм герметизации души»[2].

Говоря об уровне его воспитания и образования, автор отмечает радикальную неблагодарность человека по отношению к тому, что сделало возможным его существование; перед человеком-массой исчезли преграды; этот человек потерял способность оценивать собственные силы и поэтому не обращается ни к каким авторитетом, кроме собственного; человек, принадлежащий к избранному меньшинству, требует от себя очень

---

[1] *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс. – М., 2001. – С. 60.

[2] Там же. – С. 61.

много, человек толпы ничего от себя не требует, а удовлетворяется тем, что имеет, и сам собой доволен: «Человек-масса чувствует себя совершенным во всех отношениях. Человек избранного меньшинства, для того чтобы чувствовать себя совершенным, должен быть очень тщеславным. Уверенность в своем совершенстве не составляет его сути, как у человека-массы. У человека избранного эта уверенность основывается на тщеславии, и даже ему самому она кажется чем-то надуманным, нереальным и сомнительным. Поэтому тщеславный человек нуждается в окружающих, ищет в них подтверждения того представления, которое сложилось у него о самом себе»[1]. Человек-масса умен, но не использует своего интеллекта. Масса отрицает сосуществование с кем-либо, кроме нее самой, – ее питает смертельная ненависть ко всем, кто к ней не принадлежит[2].

Ж. Бодрийар в работе «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» говорит о массе как о народе, в котором угасла социальная энергия: «Масса является массой только потому, что ее социальная энергия уже угасла. Это зона холода, способная поглотить и нейтрализовать любую действительную активность»[3]. Привыкшая подчиняться, масса становится неуправляемой в силу того, что потеряла энергию. Теперь она не является ни субъектом, ни объектом, так как не способна быть носителем автономного сознания. Любое воздействие на массу, попадая в поле ее тяготения, начинает двигаться по кругу: оно проходит стадии поглощения, отклонения и нового поглощения[4]. Власть, подавляя массы, считала, что так ими будет легче управлять, но произошло противоположное управляемости масс явление: безразличие масс, которое она активно поддерживала, предвещает ее крах. «От масс постоянно требуют, чтобы они подали свой голос, им навязывают социальность избирательных кампаний, профсоюзных акций, сексуальных отношений, контроля за руководством, празднований, свободного выражения мнений и т. д. Молчание масс, безмолвие молчаливого большинства – вот единственная подлинная проблема современности»[5]. Конец социального означает распад структуры общества и превращение его в аморфную, неуправляемую, ко всему равнодушную массу.

Тоталитарный режим привел к отчуждению человека от труда. П.К. Кеннеди в книге «Вступая в двадцать первый век» отмечает, что жалкие потребительские товары, ужасающие жилищные условия и убогое здравоохранение являли собой каждодневное опровержение заявлениям режима

---

[1] *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс. – С. 60.

[2] См. там же.

[3] *Бодрийар, Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург, 2000. – С. 30.

[4] См. там же. – С. 37.

[5] *Бодрийар, Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург, 2000. – С. 31.

о превосходстве системы, что привело, в конце концов, к широкому отчуждению не только от тяжкого и нудного повседневного труда, к отсутствию мотиваций к труду на предприятиях и в учреждениях, к утрате гордости за свою работу. Отчуждение человека, возникающее из-за жестоких репрессий, приводит к циничному отношению к политике, к замкнутости человека в самом себе и своих мыслях, к нежеланию что-либо изменить.

Современное состояние человека, который вышел из «Государства Благосостояния и Государства Войны» в обществе тотальной мобилизации, Г. Маркузе называет *продуктивным гибридом* и констатирует появление «нового общества», в котором традиционные очаги опасности здесь стерилизированы или изолированы, а подрывные элементы взяты под контроль[1].

Т. Адорно в книге «Исследование авторитарной личности» характеризует тоталитарную личность как склонную к подчинению: «Индивид только тогда может осуществить собственное социальное приспособление, если ему по душе послушание и подчинение; садомазохистская структура желаний является поэтому и тем и другим, и условием и результатом общественного приспособления. В нашей общественной форме находят удовлетворение как садистские, так и мазохистские склонности»[2].

Э. Фромм в работе «Бегство от свободы» ставит вопрос не только о том, как и почему фашизм нашел такую поддержку в массах, но и как и почему специфические силы человеческой энергии воздействуют на социальные процессы, формируют их, определяют специфику их проявления. Человек должен принадлежать к какой-либо общности, без которой у него возникает чувство ничтожности. «Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая направляла бы его жизнь и придавала ей смысл; в противном случае его переполняют сомнения, которые, в конечном счете, парализуют его способность действовать, а значит, и жить». Человек стремится к подчинению, уничтожая собственное «Я», порой представляет собой попытку «превратиться в часть большего и сильнейшего целого, …раствориться во внешней силе и стать ее частицей... Индивид целиком отрекается от себя... от собственной свободы, но при этом обретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к той силе, к которой он теперь может себя причислить». Но наряду со стремлением к подчинению человек стремится и к господству, к власти. Жажда власти и ее оправдание достигли в XX веке невероятных размеров.

---

[1] См.: *Маркузе, Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества ; пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина ; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова.– М., 2002. – С. 526.

[2] *Адорно, Т.* Исследование авторитарной личности ; под общ. ред. В.П. Култыгина. – М., 2001. – С. 281.

Говоря о роли интеллектуалов в управлении государством, М. Фуко в работе «Интеллектуалы и власть» отмечает, что политика всегда была делом умных людей. Они разъясняли вопросы управления народу и сами занимались политикой, не доверяя это сложнейшее дело выходцам из низов. Но сегодня все изменилось: «…интеллектуалы поняли, что массы ради знания в них уже не нуждаются. Дело в том, что массы сами прекрасно и отчетливо всё знают, знают даже намного лучше, чем интеллектуалы, и гораздо лучше могут это выразить». «Развитая индустриальная цивилизация – это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе», так как уничтожается индивидуальность. Если управление обеспечивает человеку нормальные условия жизни, то ему безразличны методы управления: «В этом отношении, по-видимому, вполне безразлично, обеспечивается ли возрастающее удовлетворение потребностей авторитарной или неавторитарной системой. В условиях повышающегося уровня жизни неподчинение системе кажется социально бессмысленным, и уж тем более в том случае, когда это сулит ощутимые экономические и политические невыгоды и грозит нарушением бесперебойной деятельности целого». Вопрос о свободе и правах личности уходит на второй план и перестает быть актуальным. Но при этом мы можем констатировать, что в обществе материального благополучия навязываются именно материальные, экономические потребности. На возникновение таких потребностей направлена индустрия рекламных агентств. Но такие потребности не могут быть истинными, соответствующими онтологическим устремлениям личности. «Мы можем различать истинные и ложные потребности. “Ложными” являются те, которые навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления: это потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость. Утоляя их, индивид может чувствовать значительное удовлетворение, но это не то счастье, которое следует оберегать и защищать, поскольку оно (и у данного, и у других индивидов) сковывает развитие способности распознавать недуг целого и находить пути к его излечению. Результат – эйфория в условиях несчастья»[1]. «Свободный выбор среди широкого разнообразия товаров и услуг не означает свободы, если они поддерживают формы социального контроля над жизнью, наполненной тягостным трудом и страхом, – т. е. если они поддерживают отчуждение»[2]. Для человека важнее быть самим собой, должны быть условия для самореализации, его интересы не должны быть детерминированы извне. «Здесь реальная основа по-

[1] *Фуко, М.* Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью ; пер. с фр. С.Ч. Офертаса под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М., 2002. – С. 12.

[2] Там же. – С. 13.

нятия “внутренней свободы”: оно обозначает личное пространство, в котором человек имеет возможность оставаться “самим собой”»[1].

В политико-правовой, философской и социологической литературе формы государства по методам управления делят на демократические – гуманистические и тоталитарные – антигуманистические. Названия форме государства дают разные, но подход, который лежит в основе данного разделения, один: целью государственного управления является человек или государство (осуществление власти ради самой власти). В. Шкуратов, характеризуя типы управления, называет источник, ссылаясь на Токвиля: «В первой половине прошлого века А. де Токвиль с удивительной проницательностью писал, что из французской революции XVIII в. вышли два потока. Первый ведет людей к свободным институтам, второй – к абсолютной власти»[2].

Гуманизация государственного управления или гуманистическое управление базируется на понятии «гуманизм». Этот термин как основа антропоцентрического мировоззрения возник в эпоху Возрождения, которую иногда называют также эпохой гуманизма, что означает признание основополагающим принципом жизнеустройства самоценность человеческой жизни. Впервые о гуманизме заговорил Петрарка, который на первое место в жизни ставил достоинство человека, благородство как место человека в обществе, определяемого по его заслугам.

Актуализация проблем человеческого фактора в государственном управлении связана с вступлением человечества в стадию постиндустриального или информационного общества, в котором фактор человеческого, гуманистического участия возрастает. Гуманистическое управление является методом и основой выстраивания жизнестратегии личности на современном этапе.

Список литературы

Адорно, Т. Исследование авторитарной личности ; под общ. ред. В.П. Култыгина. – М., 2001.

Арон, Р. Демократия и тоталитаризм. – М., 1993.

Бодрийар, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург, 2000.

Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества ; пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – М., 2002.

Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. – М., 2001.

Шкуратов, В.А. Историческая психология. – М., 1997.

Arendt, H. The origins of Totalitarianism. – N. Y., 2008.

© Бурыкин А.Н., 2009

[1] *Фуко, М.* Интеллектуалы и власть. – С. 15.

[2] *Шкуратов, В.А.* Историческая психология. – С. 322.